

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ... — КТО?

Неизвестные факты из истории создания каменного дома в Гораях

Проезжая деревню Горай, находящуюся на шоссе Санкт-Петербург — Опочка примерно в 94 км южнее Пскова, невольно обращаешь внимание на незаурядное двухэтажное каменное здание, расположенное на западной (правой по ходу движения из Пскова) стороне дороги. Беспощадно разрушаемое непогодой и бесхозяйственностью, оно, тем не менее, не может не радовать глаз затейливой прорисовкой кирпичных декоративных элементов на главном фасаде, обращённом в сторону шоссе. Это здание в настоящее время входит в Государственный список недвижимых памятников истории и культуры как объект культурного наследия (ОКН) регионального значения под названием «Рига» (1894 г.). Согласно паспорту памятника, составленному и утверждённому в 1992 г., оно являлось частью усадебного комплекса «Горай», владельцами которого были Лореры и Розены.

Указанная в паспорте датировка здания сомнений практически не вызывает: крупные цифры «18» и «94» красуются на фронтоне главного фасада. Большие вопросы вызывает наименование «рига»: поскольку риги были предназначены для просушки собранного льна или зерновых снопов, в их деревянных (как правило) стенах имелись многочисленные продухи.

Гораздо более серьёзные сомнения возникают в том, что интересующее нас здание являлось частью усадьбы Розенов. И первые сомнения закладывает в нас В. В. Экк — ведущий архитектор ЛФИ «Спецпроектреставрация», автор упомянутого выше паспорта памятника (к настоящему времени, по сути, единственного официального документа). Следует сказать, что паспорт составлен не на интересующий нас двухэтажный камен-

ный дом, а на комплекс зданий, представляющий собой самостоятельную усадьбу (см. рис. 5), в целом сохранявшуюся до середины 1980-х гг. Главным зданием усадьбы был деревянный двухэтажный жилой дом (к настоящему времени остались лишь фрагменты его фундамента). Его главный фасад, ориентированный на автодорогу, находился практически в одной плоскости с восточным фасадом сохранившегося каменного здания, создавая представительский фронт застройки. Ограда с высокими кирпичными воротами шла от северо-восточного угла исследуемого здания до юго-восточного угла деревянного дома (к настоящему времени сохранились лишь незначительные следы примыкания ограды к стене интересующего нас здания). В глубине усадьбы, во всю ширину её дальней (западной) границы стояли в ряд два хозяйственных здания. К настоящему времени оба этих здания находятся в руинированном состоянии. В краткой исторической справке, входящей в состав паспорта, со ссылкой на «*воспоминания местных старожилов*» записано, что в начале XX в. в деревянном жилом доме, ныне утраченном, «*проживала Лешенкова с сыновьями, которые были скупщиками и заготовителями сельхозсырья*». И далее: «*В этом доме также проживала А. Н. Устретская (1885–1906)*»¹.

Возникают законные вопросы:

1. Если здание относится к усадьбе Розенов, почему «местные старожилы» об этом не упомянули?
2. Для чего Розенам строить ещё одну усадьбу всего в двух сотнях метров от существующего (довольно обширного и роскошного) господского дома с прилегающими хозяйственными постройками?
3. Кто такие Лешенковы и А. Н. Устретская, проживавшие в усадьбе, принадлежащей якобы баронам Розенам?

Васильев Владимир Иванович — главный архитектор института «Псковгражданпроект».

Рассмотрим три наиболее вероятные версии о возможных заказчиках и владельцах интересующего нас здания. Каждая из этих версий связана с одной из трёх упомянутых выше фамилий: Розены, Устретская, Лешенковы.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ — РОЗЕНЫ

Документально подтверждено, что в начале 1890-х гг. барон Георгий Владимирович Розен был владельцем имения «Гораи», купленного им в 1871 г.² Г. В. Розен был одним из крупных землевладельцев Опочецкого уезда: по данным на 1888 г.³, ему принадлежали села и деревни Гораи, Гришина Гора, Ельняги, Посинье, пустоши Журавлево, Метекшино, Ведерниково, Разлужье и Голицино общей площадью 747 дес. земли I категории и 533 дес. земли II категории.

Однако на плане села Гораи, составленном в 1893 г.⁴, чётко видно, что участок земли, на котором ныне находится исследуемый объект, не входит в границы владений барона Розена, а назван «пустошь Марьино» (см. рис. 5). По обычаям того времени, это, как правило, означало, что указанная пустошь является владением жителей села или деревни с одноименным названием (т. е. Марьино), которая располагалась неподалеку. (Пустошам, расположенным далеко от деревни, давали другие названия.)

Подтверждение этой версии содержится в справочнике «Списки населённых мест Российской империи». В нём фактически указано, что сельцо Марьино и сельцо Ельняги находятся очень близко от сельца Гораи, т. к. расстояния от уездного города и от станового центра до этих населённых пунктов одинаковые, они приписаны к одной волости, к одному стану, и в списке перечислены друг за другом⁵.

В перечне владений Г. В. Розена в Опочецком уезде (см. выше) ни пустошь Марьино, ни сельцо Марьино не упомянуты.

Предположим, что барон Г. В. Розен построил новую усадьбу, в состав которой входил исследуемый объект, на чужой земле (например, арендовав её). Само по себе это возможно, хотя и трудно объяснить: зачем арендовать чужую землю, когда своей земли больше 1200 десятин? Понравилось именно это место — на горе и при большой дороге?

Но с противоположной стороны дороги на той же горе находится собственная земля барона!

Следует учесть, что такое крупное (по местным масштабам) строительство требовало немалых средств. Имелись ли у барона Розена такие финансовые возможности?

Известно, что как раз в начале 1890-х гг. финансовое положение Г. В. Розена было далеко не блестящим. В марте 1893 г. барон Розен обратился в Санкт-Петербургское отделение Государственного Дворянского Земельного банка с тремя просьбами о получении ссуд на срок 66,5 лет (вполне обычный срок для длительных заимствований в те годы) под залог всех трёх (!) своих имений в Опочецком уезде⁶. Суммарный размер запрашиваемых им ссуд составлял 55000 руб. После пятимесячного изучения оценщиками банка вопроса о возможности выдаче ссуды Г. В. Розену 20 августа 1893 г. было принято постановление Правления банка⁷, согласно которому было решено предоставить ссуды по всем трём заявлениям барона в суммарном размере 75100 руб. Ни в коем случае не желая бросить тень на доброе имя Георгия Владимировича, смеем предположить, что выдача ссуды в размере, более чем на треть превышающем запрашиваемую сумму, могла быть следствием хороших связей барона в финансовых кругах столицы.

Таким образом, деньги Г. В. Розен получил, причём колоссальную сумму! Мог ли он потратить их на строительство новой усадьбы? Ответ на этот вопрос в значительной мере можно получить, внимательно изучая доклады сотрудников банка, оценивавших состояние закладываемых имений барона перед принятием решения по ссудам.

Рассматривая имение «Гораи», под залог которого была запрошена ссуда в 12000 руб., оценщики указали, что «...на имении том лежит долг бывшему Обществу Взаимного Поземельного кредита в сумме 6000 р. метал. и кроме того по всем трем имениям в Псковском отделении Государственного Банка открыт кредит ... на общую сумму 5000 р., наконец, также по всем трём имениям вместе числятся недоимки сборов земских 448 р. 68 к. и дворянских 65 р. 62 к.».

По поводу второго имения, включавшего в себя села Посинь и Левашово-Зейболово с пустошами, отмечено, что «за ними числится запрещение за долг бывшему Обществу Взаимного Поземельного кредита в 10000 р. метал. и 9000 р. кредитн.». Про третье имение — село Ельняги с пустошью Журавлевой — также написано: «На имении этом числится долг бывшему Обществу Взаимного Поземельного кредита в 6800 р. метал., 7900 р. кредитн. и краткосрочных 1540 р.»

Таким образом, из предоставленной ссуды в 75100 руб. Г. В. Розен после выплаты прежних долгов и кредитов мог рассчитывать только на 43045 руб. 70 коп. Сумма по-прежнему огромная, но не следует забывать, что вернуть в банк предстояло (пусть и в далёком будущем) все 75 тыс. С современной точки зрения, барон мог построить усадьбу с двухэтажным жилым домом (для кого?.. семья Розенов имела прекрасный дом неподалеку) и с хозяйственными постройками, начать скупать и перепродавать сельскохозяйственную продукцию — «делать бизнес», говоря опять же современным языком. Но в конце XIX в. этим «бизнесом» занимались купцы, а не бароны. Построить завод, фабрику — это допускалось, а торговать конской упряжью, льном и керосином — это моветон.

Ещё один факт, который следует принимать во внимание. Незадолго до того, как обратиться за ссудой в Государственный Дворянский Земельный банк, Г. В. Розен продал купцу Болталову часть своего имения Ельняги⁸. Вырученные от продажи земли деньги не очень помогли расквитаться с прежними долгами — значит, расходы барона значительно превосходили его финансовые возможности. И снова возникает логичный вопрос: мог ли Розен, продав часть имения и заложив все остальные земли, потратить полученную ссуду на строительство усадьбы на не принадлежащей ему земле?

В завершение этой части исследования отметим, что в июне 1909 г. наследницы барона Г. В. Розена — вдова Ольга Николаевна, дочери Елизавета Георгиевна и Тамара Георгиевна — обратились в Санкт-Петербургское отделение Государственного Дворянского Земельного банка с просьбой разрешить отчуждение части имения Ельняги с переводом на

отчуждаемую часть соответствующей доли непогашенного долга. Как следует из документов этого дела⁹, из выделенной в 1893 г. ссуды в 26000 руб. на момент подачи заявления оставался непогашенным долг в размере 24434 р. 28 к., т. е. за 15 лет было погашено чуть более 6 % ссуды. После того, как банк разрешил произвести отчуждение части имения, размер долга, закрепленный за оставшейся частью имения Ельняги, составил 17100 руб. Этот долг не уменьшился ни на рубль к 27 февраля 1915 г., когда наследницы Г. В. Розена в том же составе вновь обратились в Государственный дворянский земельный банк (на этот раз в Псковское отделение) с просьбой разрешить отчуждение 1 дес. своего имения Ельняги в пользу Опочецкого уездного земства для устройства Горайской сельской учебно-ремесленной мастерской.

Все указанные выше факты дают основание предположить следующее: если барон Розен на полученные по ссуде средства построил хозяйственную усадьбу на арендованной земле с целью получения прибыли от торгово-закупочной деятельности, то получаемая прибыль должна была идти на погашение ссуды. А этого не происходило ни при жизни барона, ни впоследствии.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ — УСТРЕТСКАЯ

Обнаружить в архивах какие-либо сведения об А. Н. Устретской (как записано «со слов старожилов» в паспорте ОКН) не удалось, — вероятно, потому, что фамилия на слух была воспринята неточно. В то же время в Опочецком уезде на рубеже XIX–XX столетий была достаточно распространена фамилия Устретские. Причём как в купеческой среде (в большей степени), так и среди дворян. Эта фамилия была производной от названия села Утретки, расположенного на старой дороге из Святых Гор в Опочку, в верхнем течении реки Великой, на её правом берегу. Возможно, существовала некая дворянская ветвь опочецких Устретских, когда-то владевшая селом Утретки и окрестными землями? В этом случае происхождение фамилии Устретских аналогично происхождению фамилий Вревских (село Врев), Ржевских, Шуйских и т. п.

Происхождение «купеческой» ветви фамилии Устретских вызвано, по всей вероятности, обычаем, получившим рас-

пространение вследствие пореформенного освобождения крестьян и начала процесса их расселения за пределы родных мест. Крестьянин, живший в своём родном селе, как правило, указывал в документах имя отца в качестве своей фамилии: например, Матвей, сын Петра Михайлова значился в документах как Матвей Петрович Петров. В то же время крестьянин, переезжавший в другую деревню, волость или уезд, зачастую производил свою фамилию от названия родного села. Таково, например, происхождение фамилии богатых новоржевских купцов Платишенских, основатель рода которых был крестьянином деревни Платично.

Поиск возможных владельцев исследуемого объекта среди дворян Утретских выводит нас на единственную семью, упоминаемую в архивных документах конца XIX — начала XX столетий и связанную с Опочечким уездом. В 1898 г. опочечкая помещица Юлия Яковлевна Утретская обратилась в Санкт-Петербургское отделение Государственного Дворянского Земельного банка¹⁰ с просьбой предоставить ссуду в размере 46000 руб. на срок 66,5 лет под залог своего имения, включавшего в себя 1385 дес. земли, села Гримова, Скоморохово, сельцо Найденово и деревню Козловку с пустошами. Судя по названиям населённых пунктов, эти земли находились в границах Сине-Никольской волости¹¹, примерно в 20 верстах к юго-западу от Гораев. Вряд ли можно предположить, что Ю. Я. Утретская построила рассматриваемую нами усадьбу на таком расстоянии от своих земель, особенно учитывая следующие строки из доклада оценщиков банка Правлению: «...владелица, проживая в имении, хозяйства в нем сама никакого не ведет»¹². Но она, несомненно, могла на каких-либо условиях одолжить кому-то деньги на строительство исследуемого объекта. Тогда становилось бы понятным, почему в начале XX в. в деревянном доме усадьбы проживала некая Утретская — возможно, родственница Юлии Яковлевны. Но в этом деле мы обнаруживаем ещё один любопытный факт. 15 ноября 1906 г. Псковское отделение Государственного Дворянского Земельного банка постановляет отсрочить выплату ссуды несовершеннолетнему наследнику заемщицы

(покойной к тому времени) — С. Н. Утретскому¹³, попечителем которого фигурировал барон Г. В. Розен¹⁴. Таким образом, версия о прямой связи исследуемого объекта с дворянской ветвью Утретских получает значимое подкрепление. И снова неожиданный факт — пометка, касающаяся С. Н. Утретского: «... документ о дворянстве не представлен»¹⁵.

Вряд ли этот документ не был представлен в банк потому, что его могли забыть дома — слишком значителен был вопрос, и готовились к его решению обстоятельно, в течение нескольких месяцев. Следовательно, С. Н. Утретский был законным наследником дворянки Ю. Я. Утретской, но не был дворянином. Исходя из существовавших в то время в Российской империи правил, можно сделать один из следующих выводов:

1. Ю. Я. Утретская была потомственной дворянкой¹⁶, но вышла замуж за человека из другого сословия. Дети от такого брака не наследовали дворянство.
2. С. Н. Утретский был не сыном, а родственником (возможно, племянником) Ю. Я. Утретской.
3. С. Н. Утретский был приёмным сыном или воспитанником Ю. Я. Утретской (такое нередко встречалось в бездетных дворянских семьях).

К сожалению, на момент составления настоящей записки не было возможности, вследствие ограниченности сроков исследования, проследить генеалогию семьи Утретских хотя бы на протяжении 1880–1910 гг. Дело в том, что неизвестно доподлинно, к какому приходу была приписана семья. Для того, чтобы просмотреть метрические записи за тридцать лет в полудюжине ближайших церквей, требуется не меньше полугода. Обратим внимание только на три факта.

Во-первых, проживала в деревянном доме (как записано «со слов старожилов» в паспорте ОКН) А. Н. Утретская — возможно, сестра С. Н. Утретского.

Во-вторых, в июле 1924 г. согласно официальной справке Горайского сельсовета вместе с семьёй Е. К. Лешенкова в деревянном доме проживала Анна Николаевна Иванова, 28 лет¹⁷ (т. е. 1895 или 1896 г. рожд., — следовательно, в 1906 г. ей было 10–11 лет). Возможно, это всё-таки была сестра

С. Н. Утретского, сменившая фамилию при замужестве, но почему-то проживавшая не с мужем (погиб на войне?), а с Лешенковыми.

В-третьих, в упоминавшемся выше «Списке землевладельцев Псковской губернии...» за 1888 г.¹⁸ дворяне Утретские в Опочечком уезде не значатся, а есть только два семейства купцов Утретских. Отсутствуют Утретские и в списке дворян, имеющих право быть избранными в Опочечскую уездную земскую управу на трехлетие 1892–95 гг.¹⁹

Анализ изложенных выше фактов позволяет сделать осторожный вывод, что Юлия Яковлевна, потомственная дворянка, вышла замуж за представителя одного из купеческих родов Утретских, довольно рано овдовела (между 1894 и 1898 гг.), воспитывала сына и дочь, умерла не позднее 1906 г. Если она и имела какое-либо отношение к постройке исследуемого объекта, то, вероятнее всего, опосредованное — то есть объект мог быть построен её мужем или на его деньги.

Таким образом, наши поиски возможных заказчиков и владельцев «Риги» естественным образом переходит к изучению «купеческой» ветви Утретских.

Как уже было указано выше, в конце 1880-х — в 1890-е гг. в Опочечком уезде были известны три купеческих семьи Утретских. Цитируемый ранее «Список землевладельцев Псковской губернии...» за 1888 г. содержит сведения о двух из них. Они значатся в «Списке...» как красногородские купцы Иван Петрович Утретский и Николай Семенович Утретский, владевшие по 31 дес. земли — площадь угодий невелика, но для купца это не главное. Еще один Утретский — Василий Михайлович — упомянут в качестве красногородского купца в 1912 г. в связи с выборами по Опочечкому уезду в Государственную Думу IV созыва²⁰, однако нас интересуют только те Утретские, которые могли иметь отношение к строительству «Риги» в 1894 г.

Именно по этой причине мы не рассматриваем подробно еще одного Николая Семеновича Утретского, который упомянут в документах периода Первой Мировой войны. Исходя из содержания этих документов²¹, до призыва в действующую армию указанный Н. С. Утретский служил учителем

и по совместительству заведующим Сине-Никольского земского начального народного училища, постоянно проживал в погосте Синяя Никола, центре одноименной волости Опочечского уезда. Представляется весьма маловероятным, чтобы сельский учитель мог иметь прямое отношение к строительству усадьбы, расположенной более чем в тридцати верстах от места его проживания.

Упомянутые выше купцы Иван Петрович и Николай Семенович Утретские являются, как следует из архивных документов, близкими родственниками. Судя по всему, их общим предком можно считать Петра Лаврентьевича Утретского (Утретского), упоминаемого в одном из документов в 1848 г. как «*опочецкий купец 3-й гильдии*»²². Основанное им купеческое дело продолжили и развили его сыновья — Иван Петрович (см. выше) и Семён Петрович, упомянутый в одном из документов в 1868 г. уже как «*опочецкий купец 2-й гильдии*»²³. То есть, Иван Петрович приходился родным дядей Николаю Семеновичу.

И вот здесь мы обнаруживаем любопытный факт. Из только что цитированного документа следует, что С. П. Утретский (Утретский) владел пустошью Тереховой, которая в числе прочих земельных угодий указана в залоговых документах Ю. Я. Утретской, составленных для получения ею ссуды от Государственного Дворянского Земельного банка (см. выше).

Несомненно, это обстоятельство подкрепляет версию о родственной связи, в которой могли состоять Юлия Яковлевна Утретская и сын С. П. Утретского, Николай Семёнович. Сомнения в этом практически полностью исчезают после знакомства с еще одним документом межевого планирования²⁴, в котором записано следующее: «*Участок № 1 под названием Первой части пустоши Селивановой, в количестве 97 дес. 678 саж., поступает во владение наследников Опочечского землевладельца Николая Семенова Утретского, малолетних детей его Анны и Сергея Николаевых Утретских*».

Исходя из приведённых выше фактов, можно считать почти доказанным следующее:

Упомянувшиеся ранее А. Н. Устретская (см. паспорт ОКН) и Анна Николаевна Иванова (см. выше) — это Анна Николаевна,

урождённая Утретская, дочь опочецкого купца Николая Семеновича Утретского.

Упомянутый ранее С. Н. Утретский, наследник Ю. Я. Утретской — это Сергей Николаевич Утретский, сын опочецкого купца Николая Семеновича Утретского.

К 1903 г., когда был составлен цитированный выше межевой план, ни Н. С. Утретского, ни Ю. Я. Утретской уже не было в живых.

Полностью доказанным этот вывод можно считать только после обнаружения в церковных метрических книгах точных записей о рождении Анны и Сергея Утретских, а также о бракосочетании Юлии Яковлевны и Николая Семеновича.

Однако даже полученных данных вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод: усадьба, частью которой изначально был ОКН «Рига», могла быть построена на деньги опочецкого купца Николая Семеновича Утретского (или с долевым участием его капитала). Это одна из версий, внятно объясняющих, почему в начале 1920-х гг. в деревянном доме усадьбы проживала его дочь. (Вторая версия заключается в том, что Н. С. Утретский или Ю. Я. Утретская состояли в дальнем родстве с Лешенковыми. Не исключено также, что Лешенковы просто по-христиански приютили сироту, которую знали с детства. Ведь Иван Алексеевич Лешенков, сосед Н. С. Утретского, являлся двоюродным братом Евгения Кондратьевича Лешенкова, в семье которого жила Анна).

То, что Н. С. Утретский имел достаточные финансовые возможности для строительства (тем более — для долевого участия в строительстве) исследуемой усадьбы, сомнений не вызывает. В 1890-е гг. он был не только достаточно состоятельным, но и авторитетным человеком. Анализ архивных документов позволяет отметить качественные изменения общественного статуса Николая Семёновича, произошедшие в 1888–89 гг. Можно предположить, что переломным событием стала произошедшая в этот период женитьба Н. С. Утретского, вследствие которой стремительно возросла его известность и общественный авторитет. Если в статистическом справочнике, подготовленном к 1888 г., Н. С. Утретский значится как «красногород-

ский купец», владеющий 31 дес. земли, то в том же 1888 г. он уже избран в Опочецкую уездную Земскую Управу²⁵, а в 1889 г. — избран еще и почетным мировым судьей²⁶. В «Памятной книжке Псковской губернии на 1893 г.» Н. С. Утретский указан как член Опочецкой уездной Земской Управы, почетный мировой судья и член Уездного училищного совета²⁷.

Во всех перечисленных ипостасях Николай Семёнович оказывался в одном ряду с самыми родовитыми дворянами Опочецкого уезда. Вполне возможно, что войти в этот круг купцу Утретскому помогла женитьба на потомственной дворянке — особенно, если она была представительницей известной фамилии. Именно в эти годы могло возникнуть и укрепиться знакомство Утретского и с бароном Розеном.

Скоропостижная (предположительно, около 40 лет от роду) смерть Н. С. Утретского произошла не ранее 1897 и не позднее конца 1898 г. В «Памятной книжке Псковской губернии на 1897 г.» он ещё числится во всех своих должностях, да ещё и в качестве члена попечительского совета Опочецкой женской прогимназии²⁸ (интересный факт: Н. С. Утретский указан уже не как «купец», а как «мещанин» и «опочецкий землевладелец»), а в «Памятной книжке Псковской губернии на 1899 г.» упоминаний о нём вообще нет.

Подводя предварительный итог этому разделу, следует сделать вывод: Николай Семёнович Утретский имел финансовую возможность и деловой интерес для того, чтобы построить хозяйственную усадьбу в Гораях, хотя ему не имело смысла строить там двухэтажный жилой дом. Достоверные свидетельства и документальные доказательства причастности Н. С. Утретского к строительству исследуемого объекта пока не обнаружены. Однако весьма высока вероятность того, что он в какой-либо форме принял финансовое участие в строительстве (вложил средства в качестве долевого участия, дал денег застройщику взаймы или под залог и т. п.).

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ — ЛЕШЕНКОВЫ

Купеческая фамилия Лешенковых в конце XIX в. была не менее распространена в Опочецком уезде, чем фамилия Утретских (Утретских), но её представители гораздо

реже оказывались избранными в различные уездные советы и органы управления. В упомянутом выше «Списке землевладельцев Псковской губернии...» за 1888 г. указана почти дюжина Лешенковых, однако прежде всего обращает на себя внимание большая семья Лешенковых²⁹. Члены этой семьи — братья Кондратий, Василий, Максим, Алексей, Гавриил, Никандр Ильичи и сестра Анна Ильинична — совместно владели 234 дес. земли I разряда и 349 дес. земли II разряда (напомним: это количество угодий всего в два раза меньше размеров землевладений барона Розена) в селах Перестрелово, Соприсенково, Финдяево и др. Да ещё отделившийся брат Михаил Ильич владел пустошью Ивановка. Да вдобавок к этому за братом Василием Ильичом числились 142 дес. II разряда при деревне Сумино. И, наконец, то, что непосредственно связано с темой нашего исследования: за одним из братьев, опочечким купцом Кондратием Ильичом, записано 6 дес. земли I разряда в селе Марьино при сельце Гораях. Однако в неоднократно уже упомянутом справочнике «Список населённых мест Российской империи» указано, что в селе Марьино находится только один двор, а количество жителей — одна душа мужского пола и одна душа женского (детей в таблицу не вписывали)³⁰.

Всё изложенное выше позволяет сделать предварительный вывод: единственными жителями села Марьино (именно того, которое рядом с Гораями, а не современное Марьино рядом с посёлком Крюки) были члены семьи Кондратия Ильича Лешенкова. Следовательно, они владели пустошью Марьино, на которой впоследствии был построен исследуемый ОКН «Рига» — ведь никаких других владельцев земли при селе Марьино в упомянутом «Списке землевладельцев...» не зафиксировано.

Более того, изучение метрических книг церкви Покрова Богородицы в Синском Устье, в приход которой входили Горая и Марьино, показывает, что, по крайней мере, с конца 1880-х до середины 1890-х гг. никто из зарегистрированных в этих книгах, кроме Лёшенковых, не был указан как житель села Марьино.

Остаётся открытым вопрос, имелись ли у семьи Лёшенковых финансовые возможности построить столь богатую усадьбу. Не отказываясь полностью от версии возможного финансового участия барона Г. В. Розена в этом строительстве, следует отметить три любопытных факта:

1. В метрической книге Покровской церкви Синского погоста за 1881–85 гг.³¹ есть запись под № 33 о том, что 12 февраля рождён и 18 февраля крещён мальчик Евгений, родители которого — «*опочечкий купец Кондратий Ильин Лёшинков и законная жена его Александра Иванова*», оба православные, в первом браке. Восприёмниками крещаемого указаны «*села Перестрелова купеческий сын Никандр Ильин Лёшинков и села Велья купеческая дочь Мария Ивановна Болталова*».
2. В другой метрической книге той же церкви за 1887–91 гг.³² на л. 38 есть запись о том, что 2 июня рождён и 5 июня крещён мальчик Владимир, родители которого — «*Селения Марьино Опочечкий купец Кондратий Ильин Лёшинков и законная его жена Александра Иоанновна*», а восприёмниками крещаемого указаны «*Села Велья купец Иван Иванов Болталов и купеческая девица Мария Иулинова Дейзенрод*».
3. В ещё в одной метрической книге той же церкви за 1893–94 гг.³³ есть запись под № 73 о том, что 24 мая рождён и 27 мая крещён мальчик Иоанн, родители которого — «*опочечкого уезда села Марьино опочечкий купец Кондратий Ильин Лёшинков и законная его жена первого брака Александра Иоанновна*», а восприёмниками крещаемого указаны «*того же уезда села Велья опочечкий купец Иоанн Иоаннов Болталов и девица Мария Иулиановна *** (неразборчиво, но похоже на Дейзельвейг или Дейзенрот)*».

Таким образом, крёстными родителями, по крайней мере, у троих сыновей Кондратия Лёшенкова были представители богатого купеческого рода Болталовых. На основании этого факта можно осторожно (пока не найдена запись о бракосочетании Кондратия Лёшенкова) предположить, что его жена — Александра Ивановна — при-

ходила родной сестрой Марии Ивановне и Ивану Ивановичу Болталовым. В таком случае становится весьма вероятным финансовое участие купцов Болталовых в строительстве усадьбы в Марьино — либо в виде приданого за невестой, либо в виде ссуды.

Из архивных документов известно, что семья Кондратия Ильича Лешенкова продолжала владеть землями при селе Марьино долгие годы, вплоть до национализации земли после провозглашения Советской власти. В «Памятной книжке Псковской губернии» на 1913–14 гг.³⁴ Александра Ивановна Лешенкова указана как владелица в «с. Марьино, с пустошами, Печ.-Горайск. в., удобной 154 дес.» земли. Подтверждение тому, что упомянутая А. И. Лешенкова — вдова покойного к тому времени К. И. Лешенкова, находим в «Призывных списках Опочецкого уезда» за 1914 г.³⁴ Там указано, что призывник Лешенков Иван Кондратьевич, рожденный 24 мая 1893 г., имеет «мать (вдову), братьев Евгения (28 лет от роду), Владимира (26 лет) и Александра (24 лет)». Указанный род занятий — «торговля» (а не «хлебопашество»).

Вот мы и нашли документальное подтверждение «словам старожилов» (см. паспорт ОКН), согласно которым в деревянном доме исследуемой усадьбы проживала «Лешенкова с сыновьями».

Уже в 1923 г. в с. Марьино проживал только Евгений Кондратьевич Лешенков с семьей, которая, согласно Удостоверению № 289, выданному Горайским сельсоветом Велейской волости³⁵, состояла из «жены Надежды Юльевны, 33 л., дочери Татьяны 10 л., сына Бориса 4 л. и родственницы Анны Николаевны Ивановой 28 л., которая в данное время находится на излечении». (Предположения об А. Н. Ивановой см. выше). Что касается братьев Евгения Кондратьевича, то мы пока можем только предположить, что они или погибли в боях Первой Мировой и Гражданской войн, или сменили место жительства. Евгения Лешенкова от призыва избежала инвалидность, полученная, вероятно, в детстве. (Согласно Удостоверению № 2103 от 28.03.1924, Врачебно-Контрольной Комиссией он «отнесён к третьей группе инвалидов, как страдающий неправильно сросшимся переломом правого бедра, препятствующим движению и укор. конечности на 5 1/2 сант.»³⁶).

Документальные подтверждения проживания Е. К. Лешенкова в с. Марьино встречаются в архивных документах вплоть до конца 1925 г. Всё это время длилась переписка Евгения Кондратьевича с волостными и уездными чиновниками, настаивающими на обложении его т. н. «особым» налогом, «как прибегающего к наёмному труду»³⁷. При этом он не был отнесён к представителям т. н. эксплуататоров (бывших помещиков, промышленников, крупных купцов, а также всех священнослужителей — заодно, до кучи...) и не был лишён избирательных прав³⁸.

Личное обращение Е. К. Лешенкова в Опочецкий Уездный Исполнительный Комитет³⁹ (написанное, между прочим, весьма грамотным языком и подкреплённое абсолютно правильными ссылками на действующее законодательство) возымело положительное действие на членов волостной налоговой комиссии, постановивших освободить Евгения Кондратьевича от обложения особым налогом. Однако некий уездный Секретарь размашисто и многократно перечеркнул постановление волостной налоговой комиссии, начертав сверху: «Не читать». А на самом заявлении Лешенкова тем же красным карандашом та же рука написала: «Отказать». (Можно лишь предположить, что деревенские соседи Лешенкова хорошо знали его и не держали на него зла, а для уездного начальства он был всего лишь носителем громкой купеческой фамилии.)

Судя по всему, эта резолюция поставила точку не только в тяжбе Е. К. Лешенкова о снятии с него несправедливо назначенного налога, но и в истории проживания семьи Лешенковых в Марьино. Начиная с 1926 г. о них нет никакого упоминания в сохранившихся архивных документах: ни в «Списке граждан Велейской волости, имеющих неземледельческие заработки»⁴⁰ (июнь — август 1926 г.), ни в «Списке лиц, лишённых избирательных прав по Горайскому сельсовету»⁴¹ (1929–31 гг.). Поскольку в подобных списках, как правило, начиная со второй половины 1920-х гг., указывались люди, подлежащие или уже подвергшиеся принудительному переселению, отсутствие в них Е. К. Лешенкова даёт основание предположить, что он понял неизбежность дальнейших репрессий и пере-

ехал в другую местность. Возможно, он переехал с семьей в крупный город, где требовались рабочие руки (документы у него были в порядке — он ведь не был «лишенцем»). Не исключено, что он переехал в другую деревню к кому-нибудь из родственников, лучше освоившихся в новой жизни. Известно, например, что один из двоюродных братьев Евгения Кондратьевича, Павел Васильевич Лешенков, проживавший в родовом гнезде Лешенковых — деревне Перестрелово — в 1925 г. числился «арендатором земли уездного значения»⁴². А другой двоюродный брат, Иван Алексеевич Лешенков, тоже проживавший в Перестрелове, как бывший красноармеец пользовался 25 %-ной налоговой льготой⁴³. Там же, в Перестрелове, как минимум до 1933 г. жил ещё один двоюродный брат, Павел Гаврилович.

Так или иначе, в Марьине осталась лишь память о Лешенковых — и не самая плохая, следует признать. Во время сбора сведений по настоящей теме один из жителей Гораев, Федотов Владимир Иванович, 1951 г. р. рассказал случай из жизни своего двоюродного деда, опочецкого купца Федотова. В 1919 г. в окрестных лесах хозяйничали отряды, называвшие себя «зелеными» и воевавшие против всех. В один из своих набегов на Гораи они захватили садовника имения Розенов, а также его сыновей и упомянутого купца Федотова, случайно оказавшегося в доме садовника. «Зелёные» решили их расстрелять как бывших угнетателей и эксплуататоров, и повели к обочине почтового тракта. Из окна своего дома их увидел Евгений Лешенков, друживший с Федотовым и хорошо знавший главаря «зелёных». По ходатайству Лешенкова

«зелёные» отпустили Федотова, посоветовав ему больше не появляться в Гораях (он так и поступил: эмигрировал через Латвию в Польшу, потом во Францию, и только в 1977 г. вернулся на родину). Садовника и его сыновей расстреляли у обочины почтового тракта, там же их и похоронили местные крестьяне. После освобождения Гораев от немецких войск в 1944 г. в этом же месте в братской могиле были похоронены погибшие в бою воины, потом здесь поставили памятные стелы и скульптурную композицию. Находясь в этом месте, можно удостовериться, что оно хорошо просматривалось из окон утраченного деревянного дома усадьбы, где и жила семья Е. К. Лешенкова.

Подводя итог рассмотрению всех трёх версий о возможных заказчиках и пользователях исследуемого здания, можно сделать следующие выводы.

1. ОКН «Рига», вероятнее всего, был построен купцом Кондратием Ильичом Лешенковым на собственной земле (возможно, с привлечением заёмных средств, полученных от купца Николая Семеновича Утретского, купцов Болталовых, владельца сельца Гораи барона Георгия Владимировича Розена).
2. Пользователем здания с момента строительства и на протяжении более 30 лет, до 1926 г. последовательно была семья К. И. Лешенкова и его сына, Е. К. Лешенкова.
3. Собранные сведения дают основания уточнить название исследуемого ОКН, изложив его в следующей редакции: «Каменный склад-магазин усадьбы купцов Лешенковых».

Илл. 1. Общий вид здания с юго-восточной стороны (март 2014 г.)

Илл. 2. Мезонин над северным фасадом (апрель 2014 г.)

Илл. 3. Главный (восточный) фасад здания (март 2014 г.)

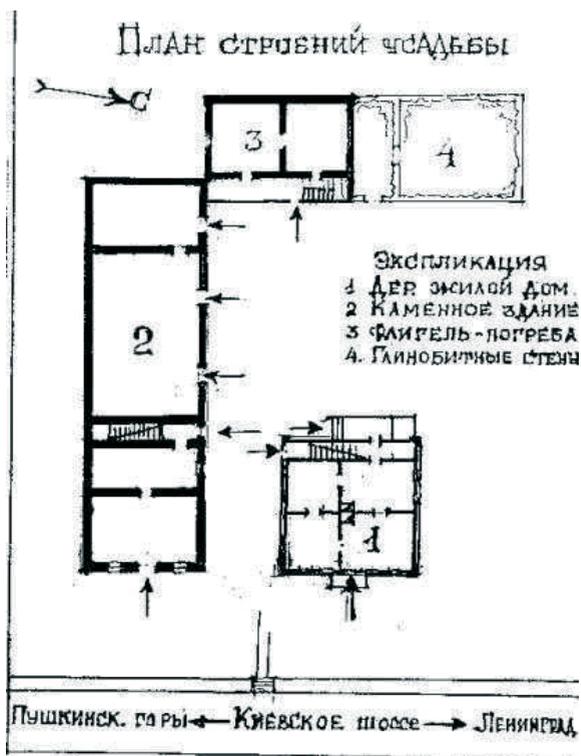

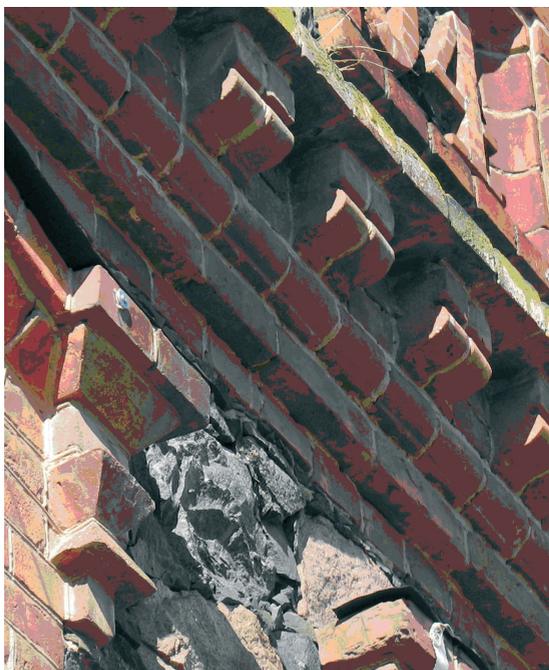
Илл. 4. Проём балконной двери и несущих балок утраченного балкона на восточном фасаде (апрель 2014 г.)

Илл. 5. Схема из паспорта ОКН «Бывшая усадьба Г. В. Розена»

Деревянный двухэтажный дом, каменное двухэтажное здание, деревянный флигель на погребах». Цифрой «2» отмечено рассматриваемое нами здание.

Капитальная поперечная стена, разделяющая восточный отсек интересующего нас здания, показана явно ошибочно — на продольных стенах и в полу не обнаружено никаких следов её существования, неизбежных при при-
мыкании капитальной стены.

Илл. 6. Кирпичный архитектурный декор главного фасада здания (апрель 2014 г.)

Илл. 7. Центральный фрагмент чертежа «План села Горай с пустошью Журавлево Опочецкого уезда, владения помещика барона Георгия Розена» (ГАПО. ф. 196. оп. 1. д. 1608)

Примечания

- ¹ Паспорт ОКН «Бывшая усадьба Г. В. Розена. Деревянный двухэтажный дом, каменное двухэтажное здание, деревянный флигель на погребках». 1992 г., раздел VI-а.
- ² РГИА. ф. 593. оп. 17. д. 209.
- ³ ГАПО. ф. 122. оп. 2. д. 3.
- ⁴ ГАПО. ф. 196. оп. 1. д. 1608.
- ⁵ Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1885, с. 212.
- ⁶ РГИА. ф. 593. оп. 17. дд. 209, 210, 211.
- ⁷ РГИА. ф. 593. оп. 17. д. 209. лл. 8, 9.
- ⁸ РГИА. ф. 593. оп. 17. д. 211.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ РГИА. ф. 593. оп. 17. д. 219.
- ¹¹ Списки населенных мест Российской империи. с. 218.
- ¹² РГИА. ф. 593. оп. 17. д. 219.
- ¹³ Там же. Л. 24.
- ¹⁴ Там же. Л. 30.
- ¹⁵ Там же. Л. 48.
- ¹⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁷ ГАПО. ф. Р-771. оп. 1. д. 69. лл. 103, 103-об.
- ¹⁸ ГАПО. ф. 122. оп. 2. д. 3.
- ¹⁹ ГАПО. ф. 79. оп. 2. д. 20. лл. 46-47.
- ²⁰ ГАПО. ф. 79. оп. 2. д. 1432.
- ²¹ ГАПО. ф. 20. оп. 4. д. 465.
- ²² ГАПО. ф. 196. оп. 1. д. 1647.
- ²³ ГАПО. ф. 196. оп. 1. д. 1996.
- ²⁴ ГАПО. ф. 196. оп. 1. д. 1934.
- ²⁵ Памятная книжка Псковской губернии на 1888 год. Псков, 1887. с. 103.
- ²⁶ Памятная книжка Псковской губернии на 1889 год. Псков, 1888. с. 60, 63.
- ²⁷ Памятная книжка Псковской губернии на 1893 год. Псков, 1892. с. 71, 75.
- ²⁸ Памятная книжка Псковской губернии на 1897 год. Псков, 1896. с. 73, 77, 78.
- ²⁹ ГАПО. ф. 122. оп. 2. д. 3.
- ³⁰ Списки населенных мест Российской империи. с. 212.
- ³¹ ГАПО. ф. 39. оп. 18. д. 57. л. 287.
- ³² ГАПО. ф. 39. оп. 22. д. 263. л. 38.
- ³³ ГАПО. ф. 39. оп. 22. д. 448. л. 48.
- ³⁴ ГАПО. ф. 443. оп. 1. д. 5-а. л. 25-об.
- ³⁵ ГАПО. ф. Р-771. оп. 1. д. 69. л. 103, 103-об.
- ³⁶ Там же. л. 104, 104-об.
- ³⁷ Там же. л. 9-об., 143, 145.
- ³⁸ Там же. л. 102.
- ³⁹ Там же. л. 101-б, 101-б-об.
- ⁴⁰ ГАПО. ф. Р-771. оп. 1. д. 183. л. 40-49.
- ⁴¹ ГАПО. ф. Р-54. оп. 3. д. 16.
- ⁴² ГАПО. ф. Р-771. оп. 1. д. 121. л. 20.
- ⁴³ Там же. Л. 80-об.